

ЕЩЕ БЫЛИНЫ И ПѢСНИ изъ Заонежья.

Несколько лѣтъ тому назадъ К. М. Петровъ, инспекторъ народныхъ училищъ въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, напечаталъ въ *Олонецкихъ губернскихъ вѣdomостяхъ* (1875 г., N 81) замѣтку о встречѣ своей съ двумя сказителями былинъ, которые не были известны прежнимъ собирателямъ, трудившимся въ Заонежье. Замѣтка эта, въ свою очередь, подала миѣ новодѣлъ написать небольшую статью о собирательной дѣятельности г. Петрова (*Древн. и Нов. Россія* 1876 г., N 6), а статейка моя доставила миѣ случай познакомиться лично съ г. Петровымъ въ одинъ изъ пребываній его въ С.-Петербургѣ.

При этомъ г. Петровъ сообщалъ миѣ между прочимъ о своемъ намѣреніи организовать собирание памятниковъ народного творчества въ Олонецкой губерніи при помощи народныхъ учителей. Вносясь въ дѣйствительность обращался съ просьбой о томъ къ учителямъ въ тѣхъ трехъ уѣздахъ, где состоялъ инспекторомъ народныхъ школъ, и съ подобнымъ же приглашеніемъ отнесся къ народнымъ учителямъ двухъ другихъ уѣздовъ Олонецкой губерніи Н. Е. Артемовъ, инспекторъ школъ въ уѣздахъ Лодейно-Полоцкомъ и Олонецкомъ. Вызовъ этотъ оказался не безуспешнымъ: г. Петровъ получилъ довольно много пѣсень, преимущественно бесѣдныхъ и хороводныхъ, загадокъ, и пословицъ, заговоровъ, преданий и сказокъ. Было также доставлено и несколько былинъ и историческихъ пѣсень. Списки тѣхъ и другихъ г. Петровъ обязательно пре-

и проводить въ мое распоряжение и выразить готовность сообщить въ Географическое Общество все эти описательные материалы, какие ему удастся собрать въ Олонецкой губернии. Къ сожалению, мнѣ ничего не известно о дальнѣйшемъ ходѣ предпринятія г. Петрова. Но присланные имъ тексты сохранились у меня. Издание ихъ мнѣ кажется далеко не излишнимъ, почему и пренесу ихъ въ распоряжение *Русского Филологического Вѣстника*. Тексты эти записаны не особенно искусно—безъ точнаго соблюденія мѣстнаго говора и, можетъ быть, съ нарушениемъ, мѣстами, размѣра стиховъ. Но не смотря на то, предлагаемые тексты представлять несомнѣнныій интересъ для изучающихъ народную словесность.

Пренесу эти тексты, г. Петровъ присоединилъ къ имъ слѣдующую замѣтку: „Былина про Добриню и Маринку хотя записана у Л. О. Гильфердинга, но проигнорирована Савиной дополнить ее въ некоторыхъ мѣстахъ и доказывать, что былина не пропадаетъ, а живетъ въ своей цѣлости. „Осада Пскова“ хотя и съ апахронизмами, но интересна; до сихъ поръ никто еще не записалъ ея въ нашей губерніи. Былина про бой витязей проигнорирована безъ раздѣленія, но ясно, что здѣсь между частями есть какой-то пропускъ; иначе былина распадается на двѣ. Историческая иѣсціи про Платова я слыхалъ пѣсколько разъ, и представляемы очень поиспорчены. Преданіе о Гусѣ весьма напоминаетъ обстоятельства изъ жизни Рахты Рагузерского, чѣмъ записалъ я въ Пудожскомъ уѣздѣ“.

Преданіе о Рахтѣ сообщено было г. Петровымъ въ упомянутой выше замѣткѣ его въ *Олонецкихъ Губ. Вѣдо-
мостяхъ* и разобрано мною въ статейкѣ, помещенной въ *Древней и Новой Россіи*.

Л. Майковъ.

3 Января 1885 г.

I.

Добрыня и Маринка.

Ходилъ — гулялъ Добрыношка по городу,
Ходилъ — гулялъ Микитицъ по Киеву.
Добрыношъ-то матушка цаказывала:
Ие ходи-ко ты во улоцку возвратную,
Во тѣ ли переулоцки Маринкины,
Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатьевна;
Она зеленища да и отравища;
Она много отравила добрыхъ молодцевъ,
Она сильныхъ, могучихъ богатыревъ.
Ходилъ Добрыношка по Киеву
И зашелъ во улоцку возвратную,
Во тѣ ли переулоцки Маринкины..
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатьевна,
Выпушала голубка да со голубкою.
Тутъ увидѣлъ Добрыношка Микитицъ младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Каленую-то стрѣлоцку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
Ты убей да голубка да со голубкою.
Да не убилъ голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околенку,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго — Идолища поганаго,
Поганаго да не крещенаго.
Еще тутъ молодецъ да пораздумался:
Ие честь слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская;
Да не пропасть-то моей да каленої стрѣлы,
Да у той ли у Маринки Игнатьевны.
Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
Кресть онъ кладеть да пописаному,
Да поклонъ-то ведеть да по учено му,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
Да Добрыши-то Маринка иззко кланялась,
А Добрыношка Маринушки человъ не бьсть.

Бралъ то Добрышушка калену стрѣлу,
Пошелъ то Добрышушка воць изъ терема.
Еще въ ту пору Марыцы за бѣду пришло,
За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрышины-то слѣдочки подрѣзыvala,
Клада она въ печь на дробва на дубовые,
Сама да ко слѣдочкамъ приговаривала:
— „Шайте и пойте Добрышушки слѣдочки, .
— „Чтобы цояло у Добрышушки сердце,
— „По мѣль ли по Марыцы по Игнатьевны“.
Приходитъ да Добрыня къ родной матушки.
Говорила тутъ Добрыши родна матушка:
„Что ходило мое дитятко дохбдило,
„И гуляло мое милое догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрышушка не шить, не ъсть,
И не можетъ вѣдь Добрыня темной почки спать.
И вставаетъ-то Добрышушка поутру ранешенько,
Умывается Добрышушка бѣлешенько,
Спаряжается Добрышушка хорошохошенько,
И походитъ-то ко рашей ко заутреинки.
И выходитъ-то Добрышушка на улоцку,
Стоючись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что миѣ дѣлать у церкви у соборныхъ,
„У той ли у заутреинки у рашнія?
„Поѣду лучше къ Марычи ко Игнатьевны.
И заходитъ-то Добрыня во высокъ теремъ,
И крестъ онъ кладетъ да пописаному,
И поклоны то ведеть да поученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется;
Добрышушка Маринки ишко клаиняется.
Маринушка Добрышушки челомъ не бьетъ.
Говорила тутъ Маринушка Добрышушки:
— „Вчерасть-то какъ ты быль, то не то творилъ,
„А сегодня-то ты да во моихъ рукахъ,
„Во моихъ рукахъ и подъ моей грозой.
„Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя за-мужъ?“
Говориль вѣдь тутъ Добрышушка Маринушки:
„Ие подобаетъ миѣ-ка взять дѣвка невѣрианъ,
„Невѣрианъ да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрышушки:
— „Обверцу тебя жабой подземельною,

„Которой жабы отвороту иѣть.“

„Ты возьмешь ли Добрыня за себя замужъ?“

„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣриая,

„Невѣриая да некрещеная“.

— „Обверни я тебя, Добрышюшка, борзымъ кобелемъ,

„Сищу я по городу ио Кіеву,

„Сберать тебя кусочковъ подстольныхъ“.

Ходилъ-то тамъ Добрыня ровно суточки,

И приходитъ ко Маринки ко Игнатьевны.

— „Находился ли Добрышюшка по городу ио Кіеву,

„И наѣлся ли кусочковъ подстольныхъ?

„Возьмешь ли теперь да за себя замужъ?“

„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣриая,

„Невѣрия да некрещеная“.

— „Обверни Добрышюшку гиѣдымъ туромъ,

„Всечиной-то тура да изукрашу я,

„Одна щетинка золота, друга серебряниша,

„Нось да бока да рыту бархату,

„Я спишу тебя, Добрыня, во чисто поле,

„Поѣшь-ко ты, Добрышюшка, ковыль травы

„И попей-ко ты, Добрышюшка, водушки болотнія“.

У того ли было килья у Владимира,

Сдѣлался у него да почестный пиръ.

Да всѣ ли на честномъ да падалися,

Да всѣ ли па пиру да порасхвастались!

Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,

„Новой хвасталъ молодой жепой.

Похвастала Маринушка Игнатьевна:

— Ужъ какъ есть у меня, да во чистомъ полѣ

— Девять тuroвъ да девять гиѣдыхъ,

— Десятой-стѣ туръ омъ хорошъ — красивъ,

— Одна шерстинка золота, друга серебряниша,

— Нось да бока рыту бархату,

— Рожка-те у тура позолоченые.

Вставала Катерина Микитицна на ноги

И брала она Маринку рукой за воротъ,

А другой била по бѣлу лицу:

„Ужъ ты вѣдьма ты, Маринушка Игнатьевна!

„Какъ не отвернешь моего братца мілаго

Добрышюшки Микитица,

„Обверни тебя саму жабой подземельною,

„Которой жабы отвороту иѣть“.

И обвернулася Маринушка сорокою,

И полетѣла-то Маринка во чисто поле,
И садилася она Добрыни на золотой рожокъ.
Говорила тутъ Маринушка Добрынушки:
— Ты возьмешь ли теперь да за себя замужъ?
„Отверни ты этихъ всѣхъ добрыхъ молодцевъ,
„Спѣвныхъ могучихъ богатыревъ,—
„И въ тупорѣ-то тогда тебя въ замужъ возьму“.
Приходитъ тутъ Добрынушка къ матушки,
И разсказываетъ Добрынушка тутъ матушки,
Что даль заповѣдь великую взять Маринушку
Игнатьеву.

Тутъ-то они да обручилися,
Тутъ-то они да обѣничалися.
Приходитъ-то Добрыня съ молодой женой.
„Слуги мои да слуги вѣрные,
„Ужъ вы дайте-ко мнѣ чару оправшую,
„Чтобъ мнѣ исправиться съ Мариной съ Игнатьевной“.
И слуги у него были догадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ то Добрыня у Маринь буйну голову
И клалъ да на дрѣва дубовыя,
И пепель разсыпалъ по чисту полю.
Тутъ вставаетъ то Добрынушка рапешенько,
Умывается Добрынушка бѣлаго енько,
И спаряжается Добрыня хороп охонько,
И приходитъ-то Добрыня ко рашей ко заутрешеньки.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ-то поздравляютъ:
„Здравствуй ты Добрынушка Микитиць младъ!
„Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
„Со своей да со княгиней со обручною,
„Да со той ли со Мариной со Игнатьевной“.
Говориль вѣдь тутъ Добрынушка Микитиць младъ:
„Ужъ вы други мои да вы пріятели!
„Всякой-то на семъ да свѣтъ жениится,
„Да не всякому женитьба удавается,
„Вчерасть-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
„Сегодня-то я ужъ вдовой хожу“.

Записалъ учитель Мошинского сельского училища Александръ Громовъ съ голоса дѣвицы Оеклы Степановны Савиной. Былина эта буквально та же, что записана въ Мошѣ отъ Малыгина А. О. Гильфердингомъ (Онежскіи былины N 216, стр. 1326); но въ предлагаемомъ спискѣ она иначе въ некоторыхъ мѣстахъ и украшена. Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Малыгинъ.

Осада Пскова.

Степанъ, Степанъ, земли Полоцкой,
Собака царя Крымского!

Нафаляется собака на три города:
На первой на городъ, на Полоцкой градъ,
На другой на городъ, на Великие Луга,
На третій на городъ, на Обской градъ.
Ешь Великие Луга проходомъ шелъ,
Подъ Обской градъ посла послалъ,—
Самолучшаго поганаго татарина.

Приходилъ ёшь ко той ко стѣнѣ городовыя,
Онъ и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали:
Вси Нѣмци, Французы премудрые,
И тѣ же воеводы Московсіе,
И отвѣциютъ воеводы Московскіе:
Что не даемъ мы вамъ граду безъ бою,
Н безъ бою, безъ драки великия,
Безъ того кровопролитія не малаго;
Уповаемъ на Пресвятую Богородицу,
Не дастъ вамъ собакамъ на поругашье!

Тутъ сидять три мылы братцы названные:
Михайло Скопинъ сынъ Васильевъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Михита Волхонской Ромацовичъ князь.

Тутъ собака и поворотъ держалъ на Чуренгу рѣку,
Къ Степану королю, къ самолучшему татарину.
И вышинаетъ онъ съ главы колпакъ земли греческой,
И поклоняется собакѣ до сырой земли:

— „Ужъ ты, ахъ же ты, батюшко, Степанъ король!..

Ходилъ я подъ Обской градъ,
Ко той ко стѣнѣ пришелъ городовыя;
Я и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали,
Вси Нѣмци, Французы премудрые
И тѣ же воеводы Московскіе.

Отвѣциаютъ воеводы Московсіе:

„Не даемъ мы вамъ городу безъ бою,
„Безъ бою, безъ драки великии,
„Безъ того кровопролитія не малаго:
„Уповаемъ на Пресвятую Богородицу;
„Не дастъ вамъ собакамъ на поругашье.

„Тутъ сидять три милые брателка названые:
„Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ князь,
„Борисъ Петровичъ Щерemetевъ князь,
„Михита Вольхонской Романовичъ князь.
„Тутъ я и поворотъ держалъ“.
Степану королю да запреку пришло,
Да за тую досаду сердецыную,
За тую рану кровавую.
Заправлялъ онъ пушецки свои боевые,
О двѣнадцати ядерышкахъ свищевыхъ;
Набералъ собака силы по три тьмы и по три тысяци,
И поѣхалъ собака на Обской градъ,
Становился собака за три поприща
До самой матери Пресвятой Богородици.
И наводитъ собака по семи золотымъ маковицамъ.
Обвернулся ядерышко свищевое,
А Степану королю въ груди черныя.
Вся сила поганая ослѣпнула,
И стала она промежъ собой сичъ и сичъ,
Не осталось силы и на семяна.

Записалъ учитель Сойдинского училища Константинъ Макліоновъ отъ крестьянина деревни Сойды (Вытегорского уѣзда) Дементія Тимофеева. У П. Н. Рыбникова и А. Ѹ. Гильфердинга нѣть былинъ объ осадѣ Пскова.

Отчего богатыри перевелись на святой Руси?

Собиралосе па поле Бонканово триста богатырей;
Енѣ (оши) думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу за едишую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
„Кругомъ всей земли, кругомъ всей орды,
„Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
„Самого бы царя въ полонъ взяли;
„Кабы была на небо лисица,—
„Мы бы выстали на небо,
„Всю небесную силу присѣкли,
„Самого бы Христа въ полонъ взяли“.
Услышаль Христосъ рицъ похвальную,
Похвальную, супротивную,—
Спустиль съ небесъ поляницу удалую.
Прибила поляница всѣхъ спльныхъ могучихъ богатырей,

Оставила только три русского могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку,
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.
Они со той со страсти--со ужаси
Уѣзжали на поле Бонканово,
И разставили шатры бѣлополотчины,
Они спали три дни и три ночи,
Не пивающи и не ъдаючи.

Какъ бы продолженіе этой былинѣ идеть

былина про Добрыню и Илью Муромца.

Добрыношкѣ въ шатерушкѣ не заспалось.
Выходитъ Добрыношка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны.
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
Что не туча пдетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,—
Пдетъ удалый добрый молодецъ,
Подъ имъ былъ конь, какъ лютой звирь;
Самъ на конѣ сидѣтъ какъ упалъ въ добрѣ,
Очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.
И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говоритъ таково слово:
„Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединищечекъ и супротивищечекъ?“
Тутъ Добрыношкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердецию,
За тую рану кровавую.
Онъ скоро сѣдалъ, уздаль своего добра коня,
Поскорѣе того на коня скакалъ,
Настигъ его, у рѣки Смородины.
Загаркалъ то ёнъ по звѣриному,
Засвисталъ то ёнъ по соловьиному.
Подъnimъ конь не шарашится,
А самъ на конѣ не отглиняется.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ то ёнъ по звѣриному,
И засвисталъ то ёнъ по соловьиному;
Тутъ подъ Добрыней конь на колѣника паль.

Тутъ Добрый и повороть держалъ,
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу.
И самъ говоритъ таково слово:
—Далечно ли ты издилъ, Добрый, куды путь дер-
жаль?—
„Ужъ ты, ахъ же ты дядюшка, Илья Муромецъ, сынъ
Ивановицъ!
„Миѣ поцесь въ шатерушку не заспалось,
„Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре сто-
роны.
„Поглянулъ въ подвостоцную сторону:
„И и не туча идетъ передъ дождицкомъ,
„Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
„И идетъ удалый добрый молодецъ.
„Подъ имъ былъ конь какъ лютой звирь,
„И самъ сидѣть на конѣ какъ упалъ въ добрѣ,
„И очи его какъ у яспаго сокола,
„И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго.
„У коня изъ ушей и ноздрѣй искры сыплются,
„Цзо рта у него полымя машетъ.
„И идетъ мимо евтии бѣлы шатры,
„И самъ говоритъ таково слово:
—Есть ли у ѧтихъ у бѣлыхъ шатровъ
—Со мной поединищещъ и супротивнищъ?—
„Тутъ Добринушкѣ за преку пришло,
„За тую досаду сердечную,
„За тую рану кровавую.
„Я и скоро сѣдалъ уздалъ коня,
„Поскорѣе того на коня скакаль.
„И настигъ я его у рѣки у Смородины.
„И загаркаль то я по звѣриному,
„И засвисталь то я по соловиному.
„Подъ имъ конь не шарапится,
„И самъ єпъ на конѣ не оглядется.
„Оглянулся удалый добрый молодецъ,
„Загаркаль то єнъ по звѣриному,
„И засвисталь то єнъ по соловиному,
„Подо мной конь на колѣнка палъ,
„Я на конѣ цуть живъ сидѣлъ“.
Илья Муромцу тутъ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.

И скоро сѣдалъ, уздалъ добра коня,
И о двѣнадцати подпружинкахъ подируживалъ,
А тринадцатый клаль подъ широку грудь,
А четырнадцатой клаль наф(хв)остницеckъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Беретъ онъ конько булатное,
Вострой ножъ беретъ съ чинжалщикемъ,
И только видѣли молодца на конѣ сядючи,
И не видѣли его поѣдучи.
Конь озера и рѣки перескакиваль,
Темные лѣса между ногъ пустиль,
И настигъ его на полѣ Бонкановѣ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того;
И загаркалъ-то єшъ по звѣриному,
И засвисталъ-то єнъ по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашилось,
И самъ на конѣ не оглядетьсь.
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ-то єнъ по звѣриному,
Подъ Ильей Муромцемъ копь на колѣника палъ.
И бѣть Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ
бедрамъ:

— Ужъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!

— Видно чаешь надо мной невзгодушку.

Конь и вскочилъ и близко подъѣзжаетъ къ богатырю;
И ударилъ его палицей желѣзою по главѣ:
У его старики колпаки не страхнулиссе,
И желты кудри на главѣ не сполстилиссе.
И самъ говорить таково слово:

„Яже на святой Руси комарики,
„Больнѣ комарики кусаются“.

И завели єни биться палицами желѣзными,
У ихъ палицы приломалиссе;
И завели єни въ копылицы булатніп,—
У ихъ копья приломалиссе;
И завели єни биться въ рукопашный бой,
И перебилъ Илья Муромца и наверхъ его.
Илью Муромцу смерть была неисписана:
Свернулссе и наверхъ его.

И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжалщикемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы.
— Скажись, молодецъ, не утай меня,
— Не утай меня и не съѣшь себя,—

—Которой земли и которой орды,
—Котораго (?) и которой матерп?—
„Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатой волкъ!
„Кабы былъ па твоихъ грудяхъ черныхъ,
„Пороаль бы твои груди черныи,
„Ричистой языкъ бралъ бы съ теменемъ,
„Отсѣкъ бы твою буйную голову,
„Кабы на тебъ сидѣль,—бросалъ бы о сырь землю ¹⁾
„Не могъ я отъ тебя отперитисе,
„Отперитисе и отказался.
„Есть я Кузъма Семерцианиновъ богатыръ“.
Онъ и скоро скакаль со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловаль въ уста сахарыя,
И назвалъ любезнымъ племянщикомъ.
Туть ёнъ съ племянщикомъ погостилисе,
Туть ёнъ и распростилисе;
Одинъ въ сторону поѣхалъ,
А другой въ другую.
Илья Муромецъ и разоставиль шатерь бѣло-полотня-
иенъ,
И зауснудъ ёнъ богатырскимъ сномъ.
И разгорѣлось у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ ёнъ ко бѣлу шатру,
И тюкнуль Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писана:
На груди у него угодилъ крестъ.
Онъ скоро скакаль съ богатырска сна,
И бралъ племянника за руцьки за бѣлыя,
И бросаль племянщика о сырью землю;
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня.
—Повози, добра лошадь, куды знаешь его! —

Записаль учитель Сойдинского училища Константинъ Макліоновъ отъ крестьянина дер. Сойды Дементія Тимооссева.

Взятіе Ревеля.

Не бѣлы сиѣги во городѣ забѣлѣлъ,—
Забѣлѣли бѣлокаменны палаты.
Стоять палатушки грашовиты;

---

¹⁾ Эти шесть стиховъ пѣвсѧ пропѣлъ трижды.

Во палатушкахъ стоять столики дубовые,
А на столикахъ разостланы скатерки шелковые;
Сношены напиточки медовые.
У столика стоять два стулочка кленовые.
А на стулочкѣ сидитъ наша матушка
Швецкая различная королевушка.
Въ передѣ ней-то стоять два молодые генерала,
Млады, сами илачутъ:
„Ужъ ты, матушка, различная королева,
Что же ты не пишешь своему батюшкѣ
„Скорыхъ писемъ.
„Что прислалъ, то прислалъ
„Нашъ батюшко швецкой король
„Силы сорокъ тысячъ.
„Не успѣла наша матушка,
Различная королева, молвить,—
Какъ нашъ бѣлый царь
По городу разъѣзжаетъ.
Барабанщики въ барабаны бьютъ,
Городъ взяли.
Какъ по старому названью
Колывань городъ,
По нашему названью
Городъ Ревель.

Записалъ учитель Рѣчино-Георгіевскаго училища (Каргопольскаго уѣзда) Михаилъ Реговъ со словъ крестьянина Евдокима Бородина.

Графъ Румянцевъ.

Ужъ ты поле, поле чистое,
Широкое поле Можайское!
Ужъ какъ тебѣ будетъ поле пройти
Широкимъ путемъ дороженкой.
Какъ на честной-то было на пятницѣ,
Во турецкой славной области
Зачинался славный праздничекъ.
На турецкой славный праздничекъ
Злые турки соѣзжались,
Сладкой водки напивались,
Что самп собой похвалились:
„Всю Россіюшку наскрозь пройдемъ,

„Ужъ мы графа-то Румянцева
„Во полонъ возьмемъ (2)
„Во походъ пойдемъ“.
Какъ возговорить Румянцевъ графъ:
„Вы служивые солдатушки!
„Сослужите вѣрой правдою,
„Что за вѣру христіанскую,
„Самому царю особешю“.

Записаль онъ же Реговъ отъ того же крестьянина Евдокима Бородина.

Платовъ казакъ.

Мать Россія, ты Россія,
Мать Россійская земля!
    Ай люли, ай люли,
    Мать Россійская земля.
Про тебя ли, мать—Россія,
Хороша слава прошла (2).
Какъ про бѣлага царя (2)
Про Платова казака.—
У Платова казака,
Шебретая борода (2),
Не стрижены волоса.
Платовъ законъ перемѣнилъ,
Себѣ бороду обриль (2),
Волоса себѣ остригъ (2)
Во Парижъ городъ вступиль (2),
У Французъ въ гостяхъ быль.
Французъ его не узналъ,
За кушца его встрѣчалъ (2).
За бѣлыя руки бралъ, (2) -
Во палаты заводиль, (2)
На кленовый стуль садиль, (2)
Его милости просилъ.
За убранный столъ сажалъ,
Рюмку рому наливалъ.
На подносѣ подносилъ,
Его милости просипъ:
„Купецъ ты мои купецъ,
„Сыпъ купеческій сынокъ!
„Выпей рюмку, выпей двѣ,

„Расскажи всю правду мнѣ (2)
„Кто начальникомъ въ Москвѣ?
„Во Москвѣ то я бывалъ,
„Генераловъ всѣхъ знавалъ,
„Генераловъ и господъ,
„Всѣхъ почтеннѣйшихъ купцовъ;
„Одного только не знаю,
„Какъ Платова казака.
„Я несчетну казну далъ,
„Кто Платова показалъ“.
Платовъ-то отвѣчаетъ:
— „На что казну терять, (2)
— „Можно такъ его видать.
— „Ты гляди-ка на меня,
— „Онъ похожъ вѣдь на меня,
— „Личико облекло,
— „Какъ у братца моего.
— „Русы кудри-то мои,
— „Будто брателки родны.
— „Походочка его,—
— „Будто брата моего.
— „А разговоры-то одни,
— „Будто матери родны“.
Туть французъ то сдогадался,
За портреты-то хватался.
Платовъ изъ палатъ выхожаль,
На добра коня сажаль.
На добра коня садится,
Самъ ругается:

— „Охъ ворона, ты ворона,
— „Французский ты король!
— „Не умѣль ты ворона
— „Ясна сокола имать (2),
— „Во бѣлые руки братъ (2),

— „Ясна сокола щипать (2),
— „Платова вора поимать“.—
Черну шляпу скидываль,
Поклонъ низкій отдавалъ (2)
Самъ на свое дѣло уѣзжалъ.

Записалъ онъ же Реговъ огнь крестьянина Тимофея Колпакова.

Платовъ казанъ.

Во простыхъ во сердецъ
Словно Платовой вѣнецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами иѣсю заноемъ,
Какъ во арміи живемъ.—
Во арміи живали
Ии о чемъ горя не знали.
Нуль, картечъ
Некуда беречь.
Начали наши наливть,
Стали ядра говорить.
Начиналь французъ наливть,—
Выше лѣсу дымъ валитъ.
Какое есть красное солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно, чуть узнаешьъ
Какъ соколь въ небѣ летаетъ;
Не ясенъ соколь летаетъ,
Казакъ Платонъ разѣзжаетъ;
Онъ по горкѣ по горѣ,

Записалъ учитель Бураковскаго училища, Алексей Гурьевъ,
со словъ крестьянки Пудожскаго уѣзда, Устьмоинскаго прихода
(на р. Онегѣ) Авдотьи Шибалдиной.

Самъ на ворономъ конѣ.
Играхаль, прискакаль,
Два словечушка сказаль:
„Охъ вы воины казаки,
„Вы удалы молодцы!
„Вы удалы молодцы,
„Нейте безъ мѣрушки вино;
„Получайте-ко разсчеты,
„Государеву казну“.
Что не пыль въ нойѣ пылить,
Не дубровушка шумить,—
Французъ съ арміей валитъ
Подваливаетъ.
Ноближе генераль подходитъ,
Генераламъ говорилъ:
„Господа вы генералы,
„Во погахъ васъ потопчу,
„Въ каменшу Москву зайду,
„Золоты кресты сойму.

Преданіе о Гусѣ-богатырѣ.

(Разсказъ крестьянки Варвары Ганевой).

Миѣ ужъ вотъ 80 годовъ теперь, а когда была ма-
ленька, --- слышала отъ покойнаго дѣдушка, что за 20
верстъ, вверхъ по рѣкѣ Сойдѣ, есть ручей Гусинецъ, по-
длѣ котораго жилъ когда-то Гусь-богатырь. Подтѣ ручья,

текущаго въ лѣвую сторону р. Сойды, есть Гусева поляна, теперь сдѣлавшаяся боромъ, на которомъ растутъ огромныя сосны. Здѣсь еще видно мѣсто, гдѣ было Гусево жилище, но остаткамъ груды каменьевъ. Недалеко есть большій порогъ, внизъ по р. Сойдѣ. Въ этомъ мѣстѣ жилъ богатырь со своею семьею, которая состояла изъ жены, дочери и маленькаго сына. Въ давнія времена ходило по Руси много разбойниковъ. Одни изъ разбойниковъ съ своимъ атаманомъ послѣ грабежей и убийствъ, привыклиходить въ это уединенное и скрытое мѣсто для пристанища. Атаманъ хотѣлъ убить Гуся по любви къ его женѣ. Убить однакоже не могъ; не хватало силъ прогнать богатыря. Разъ жена подионла своего мужа хмѣльными напитками и стала спрашивать: „Скажи, дружокъ, чего-ни ужъ ты боишся? Чего ни есть такое, отъ чего ты слабѣешь?“ Тогда Гусь сказалъ: „Боюсь я женскихъ волосъ; если хоть однимъ волосомъ обмотаешь мою руку, я не могу тронуться съ места“. Тогда жена перевязала сонца мужа своими волосами. Опь проснулся и понялъ свою ошибку. А жена ужъ спала въ виду мужа съ разбойничимъ атаманомъ. Дѣти Гуся еще не снали. Дочь была старше, сынъ младше. Свѣча на столѣ горѣла. Гусь тогда велѣлъ дочери взять свѣчу и пережечь па рукахъ матери волосы. Дочь отвѣтила: „я какъ скажу на тебя молодому батюшкѣ, такъ опь тебѣ задастъ!“ Отецъ велѣлъ дочери замолчать. Когда дочь уснула, маленькому сыну, сидѣвшему на шесткѣ, стало жаль отца, — опь взять свѣчу и пережечь волосину перевязку. Тогда отецъ вскочилъ съ нечи и тихонько подошелъ къ бани, въ которой снало 40 разбойниковъ. Опь выдернулъ банину матину и свалившимся потолкомъ убилъ 40 разбойниковъ. Самъ же пошелъ и легъ на нечи по ста-рому. Атаманъ проснулся утромъ и спрашиваетъ у Гуся: „Каковъ ты сонъ видѣлъ?“ Гусь отвѣчалъ: „Поставилъ я во снѣ сломецъ (часть, клипцы), въ которой попало 40 тестеревей; одинъ еще ходитъ и тому не миновать“. Атаманъ понялъ въ чемъ дѣло, стать ругать Гуся. А Гусь схватилъ палицу и заразъ смесь ему голову.—Жену и дочь

ку связать вмѣстѣ синими и спустилъ на плоту съ рѣчнаго порога внизъ по р. Сойдѣ. Они прошли безъ вѣсти. Самъ Гусь съ сыномъ переселился въ Каргополь и вскорѣ умеръ. А сынъ его уже давнымъ давно писалъ изъ Петербурга къ Ухтозерскимъ крестьянамъ, чтобы они искали на Гусевой полянѣ богатство, покрытое сверху каменьями и бороной. Ухтозеры искали этого клада, но нашли только куски какой-то истлевшей матеріи.

Записалъ учитель Сойдинекъ, училища Константина Макліоновъ.

О ятевых и ижевых глаголах

Примѣта ятевых глаголов есть в монотемперии — это ясно из того, что у корней на гортанные она перешла в я: *ожестоуати* — *ожестоуаюши*, *овънажати* — *овънажаюши*, *вѣтъшати* — *вѣтъшаюши*; *криуати* — *криуниши*, *бѣжати* — *бѣжиши*, *слышати* — *слышиши*²⁾. Поэтому ятевые глаголы должны быть отожествляемы с литовскими на ёті: лит. *sėdēti* прр. вполнѣ соотвѣтствует славянскому *сѣдѣти*: такое тожество уже и отмѣчено Шлейхером³⁾. У Шлейхера однако нѣт указанія па связь славянских и литовских форм с греческими и латинскими, как *ἐ-φιλτ-σα*, *σέδε-ρε*, хотя эта связь не подлежит сомнѣнію (говорю о ближайшей связи: отдаленнѣй признает и Шлейхер)⁴⁾.

¹⁾ Оспѣвным глаголам, по входящим в состав их примѣтам, можно присвоить слѣдующія названія: *эновые* глаголы (*двигнѣти* — *двигнѣши*), *ятевые* *сходнотемные* (*желѣти* — *желѣюши*), *ижевые* (*любити* — *любиши*), *ятевые* *разнотемные* или *ижево-ятевые* (*горѣти* — *гориши*), *азовые* (*дѣлти* — *дѣлмѣши*), *ўковые* (*коуповати* — *коупоуїши*); глаголы I-го Миклошчева разряда будут *безпримѣтными*, *вѣрати* — *вереши* и т. п. можно назвать *азъвобезпримѣтными*. Настоящія в родѣ *играющи*, *трепещющи*, представляющія явный или скрытый ю, я называю *ютовыми*, при чем, на основаніи обѣих тем, *трепетати* — *трепещеши* может быть названо глаголом *азъвоятвовыи*.

²⁾ Срв. статью О звуковом значеніи ъ. Грамм. зам. I, 44 (=Р. Ф. В. VI, 14), пр. 2.

³⁾ Compendium, 4 Aufl., S. 351.

⁴⁾ Основа *sedē* даже прямо равна слав. *сѣдѣ*, лит. *sédē*, только, что долгота корня, первоначально свойственная лишь некоторым формам (перфект *sedi*), у Славян и Литовцев про-